

ЗВЕЗДА ВАСИЛИЯ ЩЕРБАКОВА

На Первом республиканском съезде ветеранов Афганистана, других локальных войн председателем Координационного совета избран Герой Советского Союза полковник запаса Василий Васильевич Щербаков.

Наш рассказ о нем – воине-«афганце», человеке открытой души и высокого мужества.

Журнал «Авиация и космонавтика» в феврале 1981 года вышел в свет с цветным фотоснимком на первой полосе. На нем изображены авиаторы у Красного Знамени.

В центре этого снимка стоит высокий, плечистый майор. Он показывает руками момент какого-то полета, а его внимательно слушают товарищи. Ничего необычного в этом нет: военные летчики нашли, так сказать, общий язык и оживленно ведут беседу. Если бы не одна существенная деталь, о наличии которой простой читатель не мог даже догадываться. Тайну нам раскрыли совершенно случайно авиаторы подразделения, и мы от души вместе посмеялись над изобретательностью газетчиков.

А дело вот в чем. По указанию редактора журнала и по требованию военного цензора фотожурналист Анатолий Семеляка заставил летчиков «сыграть» сценку беседы так, что левая рука майора полностью прикрывала его Золотую Звезду. В то время нельзя было рассказывать о том, что звание Героя офицер получил за подвиги в реальных боях, а тем более на земле Афганистана. Застой находился как раз в апогее, и не все, что делалось в стране и за ее пределами, предавалось гласности.

Даже в подписи к этому снимку, правда, меньшего формата, повторно воспроизведенному в черно-белом исполнении на 6-й странице журнала, сказано: «Триста восемнадцать вылетов сделал над предгорьями Гиндукуша военный летчик первого класса майор В. Щербаков. Ему есть, что рассказать однокурсникам».

В то время Щербаков учился в Военно-воздушной академии имени Ю.А. Гагарина и лишь в узком кругу друзей мог скупно рассказывать о тех событиях, которые происходили по ту сторону нашей южной границы.

А в небольшом тексте под снимком были допущены «незначительные» погрешности. Во-первых, он сделал 318 боевых, подчеркиваем, боевых вылетов, а не просто выполнял рядовые летные задания. Это огромная разница. Во-вторых, не в предгорьях Гиндукуша, а над его многими вершинами и ущельями. А в опубликованном рядом со снимком на двух страницах материале под названием «Надежный фундамент» нет и слова о героизме этого человека, его трудной и смертельно опасной боевой работе в самые первые дни и ночи необъявленной войны. Какой он совершил подвиг? Кого и когда спасал? Кому поставлял продукты?

Сегодня мы можем рассказать о Герое Советского Союза, теперь полковнике, Василии Васильевиче Щербакове, ничем не заслоняя его Звезду, не скрывая, что он сделал героического.

С чего начать рассказ о человеке? Вопрос далеко не простой. Когда слушаешь самого Щербакова, то все в его судьбе – обыденное, ничего нет примечательного. Такое впечатление складывается лишь с первого взгляда. Но после многочисленных бесед, раздумий о его жизни, напряженной каждодневной службе, становлении как военного специалиста приходишь к выводу, что его путь к высотам мастерства не был усеян розами. Все было: и радости, и огорчения, и сложные перипетии...

Нередко в художественной литературе можно прочесть о том, как юноша чуть ли не с детства рвался к намеченной цели, ни о чем другом не помышляя. Доля правды в подобных утверждениях есть. И примеров этому предостаточно. Давайте вспомним, кто из нас в школьные годы не пытался писать стихи? Кто не любовался полетами самолетов и не рвался в небо? Разве могли бы мы отказаться от приглашения слетать на ракете в космос?

Была ли мечта у Василия Щербакова? Конечно, была. Без нее трудно жить человеку. Она окрыляет, воодушевляет. В народе говорят: тот, кто знает, к какой пристани держит курс, тому и ветер попутный. О многом мечтали мальчишки 3-й средней школы города Новополоцка, где учился Василий. Некоторые из них давно решили идти в военные училища. Какие?

– Предлагаю в летчики, только не в гражданские, – сказал кто-то из ребят, когда вечером во дворе зашел разговор о том, куда пойти после окончания школы. – «Кукурузник» – не моя стихия, а лучше всего летать на сверхзвуковом боевом истребителе.

– Ну ты хватил через край. Не так просто поступить в училище летчиков, здоровье надо иметь железное, – не соглашался второй.

Ребята загалдели, посыпались возражения, каждый стоял на своем. Лишь к полуночи, когда в большом доме, где они жили, погасли в окнах огни, Василий подвел итог спора:

– Дашь авиацию! И баста! Завтра после уроков идем все вместе в военкомат.

Дома на семейном совете не одобрили намерения Василия. Отец Василий Иванович – участник партизанского движения в Белоруссии, а после войны инженер совхоза «Туровлянский» Полоцкого района – не стал переубеждать сына в его выборе жизненного пути, а спокойно рассудил, кем ему быть. Веские доводы приводила и мать Вера Ивановна:

– Сынок, в Новополоцке есть политехнический институт, поступишь и будешь учиться, можно сказать, дома. А пойдешь в офицеры – будешь скитаться без дома, без квартиры, ни тебе спокойствия, ни отдыха...

Родители, конечно, по-своему были правы. Они для него – авторитет во всем, и никогда Василий не помышлял хоть в малом их обидеть. Но не хотелось и от мечты отказываться. Долго размышлял, как лучше поступить в этой ситуации.

– Подаю документы в институт, – через день сказал он родителям.

– Вот и хорошо, сынок, – Вера Ивановна несказанно обрадовалась его решению.

Спустя многие годы, когда в свою деревню Казимирово приехал Герой Советского Союза майор Щербаков, в доме собралось народу – яблоку негде упасть. Мужики судачили, как партизанили в лесных краях, вежливо обращались к Василию Васильевичу с вопросами, за что дали Героя. Не мог он тогда обо всем говорить. А вот о том, как добился своей мечты и стал военным летчиком, охотно рассказывал.

– Мы с ребятами договорились, что на первом вступительном экзамене в институт все как один получим двойки, – под общий хохот сделал неожиданное открытие Щербаков-младший. – Словом, организованно «завалили» экзамен и забрали документы. Папа и мама от неудачи такой лишь руками развели, дескать, что поделаешь, видно, не судьба быть инженером...

– Я догадывалась, что ты нарочно это сделал, потому что у тебя были прекрасные оценки в аттестате, но не стала перечить, – под общий смех поспешила сказать Вера Ивановна.

И опять тогда не повезло ребятам.

– Есть разрядка в военно-морские училища, – ответили в военкомате. – Хотите, пожалуйста, оформляйте документы.

Что делать? Щербаков подал документы в Севастопольское высшее военно-морское училище. Прошел медкомиссию. И был бы Василий моряком, если бы не случай. Как раз в это время Витебский учебный центр ДОСААФ объявил набор курсантов по подготовке вертолетчиков. Хоть маленькая, но все-таки возможность шагнуть в небо!

И опять во дворе шумно спорили ребята. Договорились: забираем документы из военкомата и едем в Витебск. Море далеко, а небо – вот оно, манит своими безбрежными просторами.

Снова пришлось Василию проходить врачебно-отборочную медкомиссию. «Годен», – в который раз вынесли свое решение дотошные врачи.

Курсант Василий Щербаков. Он занимался с большим желанием, потому что понял – ему по душе винтокрылая машина! Теоретические занятия, тренировки с утра до позднего вечера. Сколько их было! И ни на минуту не покидала его мечта о первом полете. Скорее бы! Как он пройдет?

И вот этот день наступил. Они с инструктором Геннадием Машенковым заняли места в кабине учебного МИ-1. Вышли в зону.

Василий пристально наблюдал за действиями своего учителя и с нетерпением ждал того момента, когда он разрешит хоть ненадолго сесть за управление машиной. «Неужели не догадается? Ведь другим же ребятам позволял вести вертолет? А может, обратиться к нему с просьбой?» – думал он. И вдруг:

– Держи направление вон на ту заводскую трубу, – сказал Машенков и передал ему управление машиной.

Счастье полета! Твоей воле послушно подчиняется мощная техника! Ни с чем не сравнимое ощущение! Василий был готов петь от радости. Он не сводил глаз с высокой трубы, которая четко вырисовывалась на фоне голубого неба. А вертолет тем временем все больше и больше отклонялся вправо, чего не замечал молодой авиатор, увлекшись полетом. Он спохватился лишь тогда, когда они удалились на приличное расстояние от намеченного курса.

Инструктор молча взял на себя управление машиной, зашел на посадку. Потом, идя по бетонке, заметил:

– Помни, небо ошибок не прощает, – долго шел в задумчивости. – Летать будешь, вижу по тебе. Скоро пойдешь в самостоятельный полет.

– Спасибо, – сказал Василий, шагая рядом с опытным пилотом.

Мудрый наказ старшего товарища запомнился ему навсегда. Не забывал он о нем и тогда, когда совершал мирные полеты, и тогда, когда выполнял боевые задания. Спустя годы этот совет передавал молодым военным авиаторам и сам продолжал постигать горькие уроки тех, кто пренебрегал требованиями законов летной работы, допускал халатность в небе.

Щербаков был благодарен инструктору и за то, что тот не стал в присутствии друзей распекать его за оплошность, не убил веру в мечту, к которой он решил идти без колебаний.

Учеба шла своим чередом. Василий с нетерпением ждал того дня, когда ему дадут право самостоятельно совершить полет. Для каждого будущего летчика – это особая честь.

Вскоре наступил тот момент. Ты – один в кабине. Запуск двигателя. Волны воздуха от винтов, вздрагивание машины – и плавный отрыв от земли. Полет начался. Василию предстояло совершить всего один круг. Несколько минут в воздухе – и незабываемое впечатление на всю жизнь. Потом будут сотни вылетов на различных марках винтокрылых машин в сложных погодных условиях, выполнение заданий в экстремальных ситуациях, но никогда не забудется первый полет. Самостоятельно! Для авиатора это слово наполнено особым смыслом: доверие, уверенность в своих способностях, готовность действовать в воздухе без инструктора...

Но в жизни не все получается гладко и не всегда точно по задуманному плану. Отучился Щербаков положенный срок, ему его засчитали как службу в армии и... отправили домой. Обидно? Да, если еще принять во внимание и то обстоятельство, что он «заболел» небом не на шутку.

Что делать? Не находил себе места. Отец и мать видели, как переживает сын.

– Нечего сидеть сложа руки. Надо идти работать – и мечта не пропадет, и цель от тебя никуда не уйдет, – говорил отец. – Жизнь и время подскажут, как поступить.

И он послушал родителей. Пошел работать в Новополюцкое монтажное управление, но ненадолго, хотя хорошо прижился в коллективе. В производственной характеристике Щербакова есть такая запись: «... в совершенстве овладел специальностью слесаря-монтажника 2-го разряда. Сменные задания выполняет на 130 – 140 процентов с хорошим качеством. Нарушений трудовой дисциплины и правил техники безопасности не имеет. С коллективом бригады дружен. Пользуется уважением товарищей. Скромнен».

Весной 1970 года его призвали на сборы в Аткарский учебный авиационный центр ДОСААФ. Дело здесь для него было привычным: тренировки, теоретические занятия, полеты... И снова он крепко ухватился за свою мечту.

Сборы прошли быстро. Всем его участникам присвоили воинское звание младший лейтенант, выдали документы на обратную дорогу. Многие обрадовались, что завершилась учеба и скоро будут дома. А Василий загрустил. Неужели вот так и останется мечта перелетной птицей? Встретился с летчиком Анатолием Филипповым, с которым неоднократно вместе выполнял задания. Тот обратил внимание на его печальное лицо, спросил, в чем дело. Щербаков откровенно рассказал ему обо всем. Прощаясь, Филиппов ободрил его уверенными словами:

– Летать ты любишь. По глазам твоим видел. Усталости не замечал при больших физических нагрузках. Так что дерзай! Не отступай от мечты!

Щербаков тогда не знал, что путь в военную авиацию ему будет открыт быстро и без всяких проблем.

– Кто желает остаться в кадрах Вооруженных Сил, может написать рапорт, который будет рассмотрен командованием в ближайшее время, – объявили в последний день сборов.

Василий не поверил этому, но когда некоторые ребята начали уточнять, как будет проходить их служба, задумался. Ведь это же прямая дорога в авиацию! Какие могут быть колебания, если мечта так близко! Шанс никак нельзя упускать! А что думают друзья? Они ведь не только вместе «завалили» экзамены в политехническом институте, но вместе продолжали добиваться своей цели. Василий быстро их разыскал: Саша Бутель, Володя Ефимов, Юра Костюков уже обсуждали услышанную новость. Между ними шел оживленный разговор.

– И вы еще о чем-то рассуждаете? – с ходу удивленно-вопросительно произнес Василий. – Больше такой возможности у нас не будет. Поэтому предлагаю писать рапорты. Я решил твердо и бесповоротно.

И, не откладывая задуманного в долгий ящик, на листке бумаги вывел отчетливо: «Прошу вашего ходатайства перед вышестоящим командованием о зачислении меня в кадры Военно-Воздушных Сил Советской Армии в добровольном порядке. Обязуюсь служить в любой точке территории Советского Союза».

Но недолго друзьям пришлось быть вместе. Военными летчиками стали Юра Костюков, Володя Ефимов, с гражданской авиацией связал свою жизнь Саша Бутель. Служба их разбросала в разные уголки Советского Союза, и лишь изредка они встречаются в родном краю.

В ТОМ ЖЕ 1970 году Щербаков прибыл в Среднеазиатский военный округ. Закрутили, закружили его ратные дела. Начал летать на МИ-1. Летал много и с желанием. Но чувствовал, что тех знаний, которые он получил в ДОСААФ, недостаточно: наука не стоит на месте. Чуть помедлил с изучением современных достижений теории и практики авиации – и ты уже отстал.

Наверстать упущенное не так просто, а порой и невозможно. Эта житейская мудрость была известна молодому офицеру Щербакову. Но в условиях непрерывной летной работы трудно учиться, для этого нужно иметь хоть немного свободного времени. А его как раз и не хватало. Но Василий не отступал, штудировал теорию, усиленно готовил себя к тому, чтобы экстерном сдать экзамены за полный курс Сызранского высшего военного авиационного училища летчиков. И вскоре успешно их выдержал.

Мы так подробно рассказываем о движении человека к своей мечте лишь с единственной целью: подчеркнуть мысль, что никогда не надо опускать руки, проявлять слабование, а терпеливо, шаг за шагом идти вперед по избранному пути. Даже тогда, когда мечта осуществилась, нельзя топтаться на месте, довольствоваться достигнутым, потому что может случиться непредвиденное – работа станет скучной, обыденной. Почему? Нет роста, нет стимула, нет интереса, новизны.

Щербаков не из тех, кто почивает на лаврах. В первые дни его службы в новом коллективе командование обратило внимание на исключительное трудолюбие молодого офицера, его исполнительность и влюбленность в профессию летчика, стремление к совершенствованию мастерства. Вскоре Щербакова вместе с другими авиаторами «пересаживают» на МИ-8.

И снова каждодневный труд: стрельбы, ракетные пуски... Но это далеко не все в ратных делах авиаторов. Нужно дополнить воинские будни частыми вылетами на уборку урожая, доставку продовольствия и материалов чабанам, застрявшим в непогоду высоко в горах. Приходилось подниматься, как говорится, к черту на кулички, спасая людей от пурги и голода. Virtuозные приемы пилотирования в горах, посадки на «пяточки» и взлеты с них в сложнейших погодных условиях – все это вырабатывало у летчика самостоятельность, инициативу, мужество и отвагу. Ох, как все это пригодились там, в Афганистане! И каждый вылет по-особому памятен. О них Щербаков рассказывает так:

– В то время я находился в составе поисково-спасательной эскадрильи. Состоялся старт ракеты с космонавтами Губаревым и Гречко на борту. Мы всегда были в готовности приступить к выполнению задания по эвакуации после посадки. Вдруг ночью поступила команда на взлет. В воздухе получили данные: космонавты приземлились на лесной поляне. Был жесточайший минимум погоды: поземка, снег, низкая облачность... Ни одна инструкция не разрешает в таких условиях совершать не то что посадку, а даже сам взлет и полет.

— Требовалась ювелирная точность. Мой экипаж работал четко, слаженно. Посадили вертолет, что называется, впритирку на крохотную полянку, где находились космонавты. Взяли их на борт.

Был у меня и второй подобный вылет. В ракете, которая несла в космос Лазарева и Макарова, произошла неполадка, и они вынуждены были приземлиться где-то за Усть-Каменогорском, в районе советско-китайской границы. Длительный поиск в сложнейших условиях. Напряжение – колоссальное. Нашли, высадили спасательную группу с режима висения, навели на объект другие вертолеты, которые приступили к эвакуации. Бывал в Москве, заезжал в Звездный городок к космонавтам. Тепло и радушно они меня встречали.

В его личном деле ни слова не сказано об этих и других выполненных заданиях. Почему? – напрашивается вопрос. А разве мы знали о неполадках ракет, взмывавших в космос, и как приходилось космонавтам выкручиваться из смертельно опасных ситуаций? Газеты, радио взахлеб сообщали: полет проходил по заданной программе, космонавты чувствуют себя нормально, спускаемый аппарат приземлился в заданном районе Советского Союза... Вот и те, кто их спасал, оставались неизвестными. Даже в емких служебных характеристиках с грифом «секретно» не находило это отражения, лишь общими словами указывалось на высокое летное мастерство Щербакова, и не назван ни один эпизод из его трудной и напряженной работы авиатора.

Да и можно ли ежедневный, изнурительный труд назвать «эпизодом»? Это было закономерное явление, скажем, в день два-три раза слетать в горы с грузом «под завязку» на высоту, куда лишь горцы могли добраться, найти площадку для посадки, а если ее нет, зависнуть, если есть возможность, и сбросить имущество, продовольствие, забрать на борт больных. И так в течение всей службы в Среднеазиатском военном округе.

ВИДИМО, не случайно 22 сентября 1979 года, еще задолго до ввода наших войск в Афганистан, командир эскадрильи майор Щербаков в числе первых пересек воздушный рубеж и выполнил боевое задание. С этого дня Василий «пропал» для родителей, жены и сына. Они не знали, где он и что с ним, и что-либо узнать было не у кого.

Как-то Василий поехал в город. «Дай-ка попробую дозвониться домой», – решил офицер. К счастью, дали быстро связь. Обрадовался голосу жены Галины Михайловны. Она поспешила сказать о себе, сыне, домашних заботах, потом вдруг спросила:

– Может быть, тебе, Вася, теплые вещи прислать?

Не знал Василий, что его ответ будет тут же прерван. Он тогда ответил:

– Я на юге, дорогая...

Автомат отключился. Безвозвратно пропадали где-то в почтовых ящиках и многие письма: не приходили они по указанному адресу, не возвращались и к тем, кто их отправлял. Что и говорить – скрывать тайны от своих людей мы научились. А ведь весь мир говорил о том, что готовится вторжение советских войск в Афганистан.

Еще наши войска не перешли границу, а они, вертолетчики, уже сновали между гор Афганистана, а то и поднимались в заоблачную высь. Потом, когда в канун Нового года по мосту через Амударью хлынули мотострелки, танкисты, саперы, связисты, по воздуху устремились и винтокрылые машины. Без них, как потом выяснилось, сухопутным войскам было бы совсем худо. Огневая поддержка вертолетчиков сотни раз спасала наземные подразделения. Спустя годы воины-«афганцы» с теплотой и гордостью будут вспоминать авиаторов, которых больше всего боялись моджахеды.

В далекой и малоизвестной горной стране эскадрильи обосновались на пустой, со скудной зеленью площадке. Никто не знал, не предполагал, с какими трудностями им придется встретиться. Они поджидали их на каждом шагу. Первые поставленные палатки вскорости оказались хорошими мишенями для вражеских пуль. Серые копны брезента были заметны и днем, и в лунную ночь. Каждое утро авиаторы считали количество дыр в палатках, шутили и радовались, что нет жертв. Но они могли и быть. Что делать? Пришлось «зарыться» в землю, сделав вокруг палаток брустверы и тщательно их замаскировав.

Посланные за водой автомашины возвращались почти всегда с простреленными цистернами. Крохи живительной влаги оставались, чтобы утолить жажду больным да попить вечером чайку. Тогда в кабины для сопровождения водовозов садились солдаты для охраны. Тут же вражеские снайперы начали уничтожать водителей. Как быть?

Авиаторы взялись за добычу своей воды. Пробурили скважину. Воспрянули духом и летчики, и мотострелки, которые охраняли аэродром. Появились баня, хлебопекарня, начали возводить саманные домики.

Но все-таки житейские беды ни в какое сравнение не шли с отсутствием опыта и знаний ведения боевых действий в горах с противником, которого никогда не видели, а способности его не знали и недооценивали. Он себя здесь чувствовал хозяином. Это был его дом. Враг большими и маленькими группами, а то и в одиночку, поджидал свои жертвы за скалами, в ущельях и при удобном моменте стрелял в спину солдату, который только что отдавал ему свой хлеб.

Этих тонкостей необъявленной очаговой войны, вспыхивающей то там, то здесь без сплошной линии фронта, никто толком не представлял. В академиях, училищах, школах младших командиров при обучении солдат тактике общевойскового боя исходили из того, что будем обороняться или наступать, имея справа и слева соседей, обеспеченный тыл, как изображалось на разрисованных топографических картах и схемах, выполненных аккуратными штабистами.

Постигал эту тактическую мудрость и майор Щербаков, только с точки зрения действий авиации: поднялся в воздух, приблизился к линии фронта, огнем поддержал наступающих и тут же улетел назад в исходное положение. По науке? Красиво? Да. В Афганистане такие картинные бои были редкостью. Первые боевые вылеты показали непригодность многих пунктов инструкций, предусматривающих работу летчика в горной местности. И тот, кто их неукоснительно придерживался, не проявлял самостоятельности, находчивости и инициативы, тот нередко оказывался побежденным, а то и погибал.

Особенно трагически расплачивались те авиаторы, которые допускали ухарство, пренебрегали элементарной бдительностью, не учитывали коварства врага, его жестокости. Не забыть майору Щербакову печальный исход полета авиаторов соседней эскадрильи.

В тот день выполнялось обычное задание по доставке грузов местному населению. Экипаж шел над ущельем. Удалились от своей базы примерно на четыре километра. Никто не ожидал, что в такой близости от аэродрома могли быть моджахеды. Вертолет летел низко над землей. Вдруг раздалась очередь из крупнокалиберного пулемета, и, видимо, пули повредили редуктор. Вертолет упал на рисовое поле. Машина загорелась. Спасти летчиков не удалось.

Эта невосполнимая утрата боевых друзей заставила крепко задуматься вертолетчиков, многие из которых считали, что им придется в основном помогать местному населению вести борьбу с контрреволюцией, доставлять продовольствие голодающим, спасать раненых, больных и тех, кто попал в беду. И спасали. И выручали, И доставляли медикаменты. И увозили больных. Все было.

Но была война. Настоящая. И обе стороны совершенствовали способы и методы ведения боя.

– Как убить человека? Пусть даже жесточайшего твоего врага. Одно дело вести огонь ракетами или из пулемета на полигоне по мишеням, другое – по живым людям, – рассказывал полковник Щербаков. – Правда, нас учат убивать противника, но мы-то его в глаза не видим, а подразумеваем. А тут столкнулись с обратным: вот он затаился и бьет из-за укрытия, и за промедление нашим воинам часто приходилось расплачиваться собственной жизнью или ранением.

Было это в начале 80-го года. Афганский артиллерийский полк перешел на сторону моджахедов, которые убили всех советских советников, изувечили их трупы. Полк скрылся в горах. Экипажу Щербакова приказали слетать в его бывшее расположение и забрать убитых наших офицеров. Нет слов, чтобы описать жестокость врага.

– Мы доставили их на свой аэродром. С воинскими почестями простились с ними и отправили на Родину, – говорил Щербаков. – Каждый из нас сделал вывод о том, что будем иметь дело с коварным и беспощадным противником. У меня, например, исчезла всякая жалость к врагу. Я и сегодня нет-нет да и вижу во сне эту ужасную картину...

...318 боевых вылетов.

В тот первый год войны в Афганистане вертолетов было мало, и приходилось летать во многие районы на выполнение самых различных задач. Бывали дни, когда летчики делали по десять вылетов. Изнуряющая до изнеможения работа. Ни думать, ни мечтать не хотелось после последнего вечернего полета. С огромным трудом авиаторы добирались до палаток и падали, чтобы, отдохнув за короткую ночь, а с восходом солнца снова подняться в воздух.

Какой из этих 318 вылетов выделить? Какой из них главный? Каждый, пожалуй, был по-особому памятным. Но навсегда запомнились самые экстремальные, неординарные по насыщенности огневой поддержки, динамике боя. Ведь были задания, когда эскадрилья поднималась в воздух и с ходу выполняла боевой приказ. Ничего особенного в этом авиаторы не видели: обычная работа. А были и такие, которые остались в памяти на всю жизнь. Вот что рассказал об одном из вылетов полковник Щербаков:

– Продвигаясь по горной дороге, мотострелковый полк вдруг оказался перед завалами. Воины начали пробивать себе путь, но враг открыл интенсивный огонь. Среди наших солдат и офицеров появились раненые и убитые. Что делать? Полк не мог продвинуться вперед, но не мог и отступить.

Нас подняли по тревоге. Мы взлетели и бросились на помощь друзьям. Ведомым был капитан Владимир Копчиков. Прекрасный человек, авиатор – что надо. События развивались дальше так. Наземные войска навели на цели. Огневые точки противника находились на уровне полета, на склонах гор. Щербаков с ходу атаковал их. Ракеты легли точно в цели. Сразу же отвернул в сторону, чтобы сделать новый заход и ударить по другим точкам.

Следом за ним на расстоянии примерно 800 – 1000 метров шел Копчиков. Такая дистанция позволяла им лучше маневрировать в ущелье, ведомый не зависел от ведущего, мог прикрыть его в трудный момент.

Пока разворачивались, противник успел на склоне горы установить пулемет. Этого они не могли предвидеть. Копчиков попал под его огонь в упор. Когда Щербаков начал разворот, то увидел, как за машиной ведомого тянется седая пелена паров горячего. Понял, что в его вертолете пробит топливный бак. Дрожь пробежала по спине. Самое ценное достоинство летчика – спокойствие, выдержка. Без них нет мастера, нет победы.

Дал команду капитану Копчикову прекратить огонь, потому что распыленный керосин легко вспыхивает – и вертолет в одно мгновение может превратиться в летящий факел.

Чтобы видеть, как дальше продолжится полет, Щербаков приказал капитану выйти вперед и таким образом быть ведущим. За время разворота с большим креном, почти в вертикальной плоскости, Копчиков снова попал под огонь пулемета противника. За несколько секунд до этой вражеской очереди борттехник вышел из кабины, чтобы перекрыть кран топливного бака. Только он поднялся, как пули прошли его сиденье...

В тот момент члены экипажа Щербакова подумали было, что очередь прошла мимо. Но... оба двигателя остановились. Связь прекратилась. Боевые друзья повели машину на огневую точку. Ракеты легли точно, и пулемет замолчал. Пока делали разворот, потеряли из виду вертолет своего ведомого.

Бой этот был 20 января 1980 года. Стояла зима. Кое-где в горах лежал снег, и на фоне его они вдруг увидели вертолет Копчикова. Он «тянул» к кишлаку в долине. Там виднелась маленькая площадка, крайне ограниченная, что-то вроде огорода. Связи не было, но они понимали, что экипаж жив, так как машина была управляема. Вертолет совершил посадку на эту крохотную площадку.

Пролетели над ними. Заметили, как к вертолету Копчикова бросились моджахеды. Цель их ясна – захватить авиаторов в плен живыми: за летчиков платили большие деньги. Что предпринять? Решили зависнуть над сбитой машиной.

А кольцо вокруг них сжималось. Тогда Щербаков развернулся и всей мощью ударил по врагам. Те залегли, потом по-пластунски начали подбираться к вертолету. А тем временем Щербаков каким-то образом довернул машину на склон горы и чудом приземлился. Борт-техник, стрелок с автоматами и Щербаков выскочили из машины и открыли огонь, чтобы прикрыть отход товарищей. В вертолете остался штурман эскадрильи старший лейтенант Юрий Лебедев. Ребята бросились к машине. Взлетели. И тут по радио услышали, что на помощь к ним спешит пара майора Вячеслава Гайнутдинова.

За время боевых действий эскадрилья майора Щербакова не потеряла ни одного человека. О чем говорит этот факт? Во-первых, о высоком мастерстве летчиков, во-вторых, об умении командира правильно организовать бой, распределить силы и возможности, сплотить коллектив. А этими способностями в полной мере обладал комэск. В одной из его характеристик сказано: «...проявляет заботу о подчиненных, быте и отдыхе, уважение к личному достоинству. Умеет расположить, выслушать, поддержать словом и делом».

Как-то эскадрилья готовилась к очередному боевому вылету. Майор Щербаков в таких случаях всегда внимательно присматривался к людям. Малейший штрих в поведении, в выражении лица давал ему, опытному командиру, повод для размышлений. Так он поступил и на этот раз. И чутье его не подвело. Заметил нездоровый вид молодого лейтенанта, излишнее волнение, какую-то растерянность.

– Вы сейчас не полетите, – сказал он ему. – За вас полетит другой, доброволец – хоть отбавляй.

А спустя день – другой тот же молодой летчик сам, добровольно пошел на риск и заменил товарища.

– Если человек внутренне не готов к бою, то, считай, он успеха не добьется, будет ранен или убит, – рассказывал Щербаков. – Помню, мы на борт брали десантников. Среди них я заметил паренька с таким печальным выражением лица, как будто он знал о своем последнем бое. И что же? Вечером узнаю, что он тяжело ранен. Но не мой это был подчиненный, и вмешиваться в действия командира десантного взвода я не имел права.

Конечно, на войне некогда обращать пристальное внимание на психологический настрой солдата, его душевное состояние, спрашивать – пойдет или не пойдет тот в бой. Приказ – важнее всего, и он должен быть выполнен во что бы то ни стало. Не допускал слабости и Щербаков, но не переставал изучать людей, учить их мастерству, выдержке, передавал им свой опыт. Каждый завершившийся боевой вылет становился предметом большого разговора, а ошибки тщательно разбирались после полета. Не любил комэск отчитывать провинившегося подчиненного, старался спокойно объяснить его промахи, в чем их причина. Поэтому люди шли к нему, зная, что встретят доброжелательность, заботу и внимание.

Десять лет прошло с тех пор, но Василий Васильевич Щербаков не забыл своих товарищей. Он с благодарностью вспоминает верных и надежных боевых помощников, капитана Владимира Копчикова: своего заместителя Льва Туктарева, командиров звеньев капитанов Александра Устименко, Владимира Оболнина, Анатолия Пахомова, майора Виктора Близнякова.

Дружной, боевой семьей жила эскадрилья. Вместе радовались очередной победе, весточке из дома, вместе переживали неудачи. В той напряженной и ежесекундно опасной обстановке многие события, которые воспринимались как обыденные, там, вдали от Родины,

становились заметными, а порой на всю жизнь незабываемыми. В редкие часы затишья чаще вставали перед глазами родной край, отец и мать, сестры и братья, жена и сын, вспоминались эпизоды жизни. В такие минуты нередко жгучая тоска давила на грудь, тревожила сердце. А каково было этим первым авиаторам, которые не могли за долгие недели и месяцы сообщить родным о себе?

Однажды аэродром окружили моджахеды. Мотострелки отбили атаку. Еще слышались редкие одиночные выстрелы, дымились подожженные автомобили, возвращались с поля боя бронетранспортеры, а в расположении пронеслась весть: прибыли артисты. Вот те на! Нашли время. Но воины таким гостям были несказанно рады, готовы были на все, чтобы не только послушать их выступления, но и поговорить, пообщаться с людьми из Союза. Окружили их, и посыпались вопросы: «Как там, на Родине?», «Что говорят об Афганистане?», «Придет ли помощь?»

В один миг соорудили сцену. Начался концерт. И тут послышалась команда нескольким офицерам прибыть на аэродром. Взлетели вертолеты. Оказалось, что враг вновь приблизился к расположению части и открыл огонь из минометов и орудий. Воздушные бойцы сделали несколько заходов и произвели меткие пуски ракет. Моджахеды скрылись в горах. Гости не на шутку встревожились, но, увидев, что из «зала» никто не собирается уходить, успокоились. Концерт продолжался. Артисты увезли с собой не только благодарность авиаторов, но и представление о том, в какой сложной обстановке живут и воюют советские воины.

В АПРЕЛЕ 1980 года Щербакова и заместителя командира полка майора Гайнутдинова вызвали в штаб. «Зачем бы это? Или будет совещание, или дадут какие-то указания, или разнос устроят?» – размышляли они.

Прибыли, доложили. Им приказали ждать у входа в здание. Смотрят, на плацу выстраиваются авиаторы. Перед строем – высокое начальство.

Вдруг услышали:

– Щербаков и Гайнутдинов, к командиру.

Они пошли строевым шагом.

– Дорогие товарищи! Мне доставляет огромное удовольствие, сообщить вам от имени Президиума Верховного Совета СССР о том, что майорам Щербакову и Гайнутдинову присвоены звания Героев Советского Союза. Разрешите их поздравить с этой высокой наградой и пожелать им боевых успехов и счастья в жизни.

Никогда так не волновался Щербаков, как в тот раз. Не ослышался ли? Правда ли? Под гром аплодисментов ему что-то говорили сослуживцы, а он, смущенный такой радостной вестью, не мог сказать ни слова.

Улеглись восторги, а волнение не прекратилось. Когда возвращались на вертолете в свою часть, всю дорогу думали о том, как сообщить товарищам о награде, как они воспримут такую весть. Ведь все могут быть удостоены такой чести, все проявляют мужество и героизм.

Еще во время посадки в иллюминатор заметили толпу авиаторов с полевыми цветами, неизвестно где и как добытыми, и догадались, что друзья уже знают обо всем. Ступили на бетонку – и оказались в объятиях.

Они будут вновь уходить в опасные горные зоны, сражаться с еще большим старанием, и почерк воздушных асов красноречиво будет говорить о том, что не зря и не случайно им

присвоены высокие звания. Потом его друга подстерегут вражеские пули, он будет сбит и погибнет. Когда у Щербаковых в Москве родится второй сын, его назовут Вячеславом – в память о павшем в бою Вячеславе Гайнутдинове.

Память о друге главы семейства священна в семье Щербаковых. Вячеслав Гайнутдинов для Василия, словно брат родной. С ним он делил пополам и радости, и невзгоды. Не раз Вячеслав подставлял свое плечо в трудную минуту, выручал из беды Василия.

В Афганистане на самые трудные задания Гайнутдинов шел первым. Не потому, что другие не могли выполнить все так, как он. Просто Вячеслав не мог поступить иначе. Он не раз отшучивался по поводу, когда Щербаков высказывал свои претензии. А затем, после гибели товарища, Щербаков сам шел первым на выполнение сложнейших заданий. В каждом полете он мысленно был с другом, бесстрашным крылатым бойцом Вячеславом Гайнутдиновым.

Воевал майор Щербаков до августа. В этом же месяце пришел приказ о зачислении его слушателем Военно-воздушной академии им.Ю.А. Гагарина. Печальные и трогательные минуты прощания. Никогда он их не забудет. Сколько было высказано добрых пожеланий, напутствий! Потом Щербаков занял место в кабине своего верного и надежного друга-вертолета, запустил двигатель, поднялся в воздух и, сделав почетный круг над аэродромом, взял курс на Родину. Но память о пережитом, о том, что навсегда осталось в сердце, часто будут беречь душу, не давать покоя:

Я снова куда-то спешу,
как всегда,
Сквозь встречи, прощанья
и споры.
А память несет меня
снова туда.
Где к небу вздымаются горы.
Где пылью «афганец»
закрыл небосвод
И солнце в зените пылает,
Где долго над взлетной
кружит вертолет
И веер ракет рассыпает.
Где горы берут гарнизоны
в кольцо,
В молчанье недобром
и жутком,
Где серым от пыли
бывает лицо
И потом пропитана куртка.
И нужно не струсить,
решиться, успеть
И выполнить к ночи задачу.
Судьба нас разделит на жизнь

и на смерть

И каждому долю назначит...

Что можно сказать о годах учебы? Они были насыщены лекциями, семинарами, напряженной теоретической и практической подготовкой, мероприятиями самого различного содержания. Не будем распространяться в деталях о днях, проведенных в стенах академии, но заметим лишь, что подполковник Щербаков получал именную стипендию имени В.И. Ленина. О его исключительном прилежании говорит и то, что все государственные выпускные экзамены он сдал на отлично и окончил академию с золотой медалью. В отзыве на слушателя Щербакова сказано: «...подготовлен к самостоятельному выполнению обязанностей на должности командира полка».

Из академии его направили в Западную группу войск. Сначала был заместителем командира авиационного полка, затем – командиром полка. Все знания и боевой опыт, не жалея сил, времени, передавал молодым летчикам. Трудное и не простое это дело – научить специалиста быть с небом на «ты». Больше всего возился с теми, кто, придя из училища в часть, считал, что он достиг высот мастерства, пренебрегал предполетной подготовкой, на тренажер махал рукой, дескать, не для меня эта «игрушка», а для начинающих. Много внимания уделял летчикам, убывающим в Афганистан.

А однажды... С болью вспоминал этот случай Щербаков. Это произошло в 1986 году. Вертолет потерпел катастрофу. Экипаж погиб. Тяжело переживал происшедшее Василий Васильевич. В бою потери неизбежны, без них не всегда возможна победа. Даже в Афганистане в его эскадрилье не было ни одного погибшего авиатора. Сумел уберечь людей. А тут мирное время. Как могло произойти такое? Полетели в зону, выполняли обычное упражнение и не возвратились домой. Техника не подвела. В момент полета грубую ошибку допустил летчик...

Горький урок. Хотя прямой вины Щербакова в случившемся не было, но он ведь командир – и в ответе за каждого подчиненного. Их ошибки – его, командира, ошибки. Понимал это Щербаков и еще больше сил отдавал обучению и воспитанию летчиков, техников, других воинов. К концу года 65 процентов авиаторов стали классными специалистами, половина – отличниками боевой и политической подготовки. До конца отъезда из групп полка прочно удерживал лидерство в боевой подготовке.

...Мы с полковником Щербаковым вели непринужденный разговор. Говорил он твердым голосом, точно выражал мысли. Вот фрагмент этого своеобразного интервью.

– Недавно довелось слушать выступление уважаемого фронтовика. Он рассказывал о том, как в одном бою его сослуживец пленил несколько десятков автомашин с фашистскими солдатами и лично доставил их в тыл. Не кажется ли вам, что такие легкие победы несут, откровенно говоря, ложь о войне, принижают существо подвига?

– Как на всякой войне, легких побед не бывает. Не надо думать, что противник – недоучка, слаб морально и физически, не владеет оружием и техникой. Моджахеды, к примеру, были очень натренированы, знали тактику ведения боя в горах, чего нам не всегда хватало. Ведь что получалось? Мы год – полтора повоюем и возвращаемся домой. На смену обстрелянным приходили новички. А моджахеды сражались годами и поэтому превосходили нас во многих случаях. Так что побеждать их было дело сложным.

– Василий Васильевич, были ли у вас неудачи в бою? Скажем вышли на поражение противника, произвели пуск и...промахнулись?

– Было, все было. Чаще всего подводили те, кто нас наводил на цель. Случалось, пока уточняли цели, противник ускользал от удара. А бывало, нам неверно указывали цель, и тогда огонь вели впустую. Только в кино попадают с первого раза и одерживают блестящие победы.

– А были ли смешные случаи?

– Однажды один наш молодой экипаж атаковал группу моджахедов численностью около двух тысяч человек, о чем было передано по радио. Поняли, что ребятам надо помочь. Вылетели в указанный квадрат и установили, что они атаковали... стадо баранов. А почему так произошло? Животные, вокруг которых скакали на лошадях чабаны, двигались по дороге и подняли огромное облако пыли, из-за которой не видно было, кто движется. Смеху-то было...

– Одно время начались нападки на воинов-«афганцев», дескать, они занимались спекуляцией, насильничали... Правда ли?

– Единичные случаи были. Но по отдельным негативным эпизодам нельзя судить о всех воинах-«афганцах», которые в подавляющем большинстве честно и добросовестно выполняли свой воинский долг. И не они виноваты, что попали на эту войну.

Знаю, что распространялся слух, что мы, мол, убивали тех своих солдат, которые могли попасть в плен. Чепуха. За время боев мы, вертолетчики, ни разу не сделали выстрела или пуска ракеты по своим подразделениям. Утверждаю это с полной ответственностью. Наоборот, всеми силами старались их освободить из окружения, подчас жертвуя людьми и техникой.

Помнится, когда в скалах была, как клещами, зажата группа десантников во главе с лейтенантом Андреем Соловьевым, вертолетчики первыми вылетели на помощь. Освободить воинов из западни оказалось не таким простым делом. Воздушное пространство простреливалось моджахедами. Скалы мешали, сковывали маневр машин. Казалось, что выхода в сложившейся обстановке не найти – десантники или будут драться до последнего патрона, или окажутся в плену...

Но вертолетчики пошли на смертельный риск. Капитан Владимир Оболнин и Александр Устименко сделали все возможное и невозможное, чтобы выручить десантников, доставить их в безопасное место на полевой аэродром. И таких примеров на счету вертолетчиков немало.

– Вы один из первых заслужили звание Героя Советского Союза в боях на земле Афганистана. Молодой, симпатичный офицер с Золотой Звездой, все обращают внимание... Простите за нескромный вопрос, не тяжела ли ноша славы?

– Сам своих заслуг не оцениваю. Награда не вскружи мне голову. А вот ответственность за свои дела, поступки повысилась. Ведь каждый шаг на виду, и люди мне не простят проступок, ошибки.

– Как дома, в родной школе, на бывшей вашей работе воспринимают приезд Героя?

– Раньше, бывало, иногда пытались устраивать пышные встречи. Теперь – не то, да и ни к чему эти встречи. Не люблю это, избегаю. Сейчас злопыхателей немало, которые не прочь принизить воинов-«афганцев»... Все остальное обыкновенное, как среди людей. Мы ведь с детства приучены к скромности, простоте, к уважению и почтению старших, любви к родному краю. Люблю Казимировку – мою маленькую деревушку на берегу Западной Двины. Места там прекрасные!

– А приходилось ли Вам пролетать над своей деревней?

– Летчику запрещено отклоняться от установленного курса. Но в тот день мы перегоняли вертолеты, и наш маршрут как раз шел над моей деревней. Садиться тоже запрещено. Эх, будь что будет, взял грех на душу и сделал два круга. Потом, когда приехал в отпуск, получил большую взбучку от нашего соседа по дому. Он в тот момент запрягал лошадь в повозку. Она, услышав мощный рокот двигателей, вздыбилась и поломала оглобли. До сих пор там ходят шутки по этому поводу.

– И последний вопрос. Некоторые журналисты изображают Героев такими идеальными, что хоть молись, глядя на них. Есть ли у вас недостатки?

– Считаю, что идеальных людей не бывает. Любую свою ошибку, любой промах болезненно переживаю, анализирую, даю себе слово не допускать впредь. Во всем остальном – как у всех людей, как сказал один великий мыслитель, ничто человеческое мне не чуждо.

А. Смолянко

Фото Авенира Колодко